

О господин, мы ждем тебя с войсками
Уж целую неделю в этом храме
Богини милосердья. Помоги нам,
Яви себя всесильным властелином.
Я, что сдержатъ рыданий не умею,
Была женой владыки Капанея,
Который в Фивах пал в проклятый час.
Проклятие да ляжет и на нас,
Рыдающих теперь перед тобою.
Мужей лишились мы во время боя,
Когда был город Фивы осажден.
Теперь же – горе нам! – старик Креон,
Что ныне царствует в пределах Фив,
Исполнен гнева и несправедлив,
Тиранства ради и из жажды зла,
Чтоб обесчестить мертвые тела
Фиванцев, павших в лютой битве той,
Велел сложить из трупов холм большой,
И ни за что не допускает он,
Чтобы сожжен был кто иль погребен:
Всех псам обрек он мерзостным приказом».
И с этими словами дамы разом
Все пали ниц, издав плачевный стон:
«О, пожалей нас, безутешных жен,
Чтоб горесть наша в грудь твою вошла».
Тут знатный герцог вмиг сошел с седла,
Скорбя об их несчастье и позоре.
Он думал, сердце надорвется с горя,
Узнав о том, что довелось снести
Недавно жившим в славе и в чести.
Фиванок он в объятья заключил,
Стал тихо утешать по мере сил
И в том им дал торжественное слово,
Что всей своею мощью так сурово
Мучителю Креону отомстит,
Что в Греции народ заговорит
О том, как поступил Тезей с Креоном,
Достойным казни по любым законам.
И в тот же час, не мешкая ничуть,
Он, распустив свой стяг, помчался в путь -
К твердыне Фивам во главе дружины.
Не въехал он и не вошел в Афины,
Не отдыхал и половины дня,
Всю ночь в походе не слезал с коня,
Царицу ж Ипполиту той порой
С красой Эмилией, ее сестрой,
Послал в Афины жить в чести и в холе,
А сам на бранное помчался поле.
С копьем и со щитом, багряно ал,
Бог Марс на белом знамени сиял,
По складкам стяга всюду блеск свой сея,
А рядом трепетал флажок Тезея,
Весь златом тканый: там набит, смотрите,
Тот Минотавр, что им сражен на Крите.
Так ехал герцог, славный сын побед,